

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
С71

На обложке:

Портрет М. М. Сперанского. Живописная копия И. И. Яковлева (1850 г.)
с изображения кисти Джорджа Доу (ок. 1822–1824 гг.)
из коллекции Хельсинкского университета

Современная версия, составление, примечания, комментарии — Л. Максимов

Сперанский, Михаил Михайлович.
С71 О государственном устройстве империи / Михаил Сперанский. —
Москва : Эксмо, 2026. — 672 с. : ил. — (Российская императорская
библиотека).

ISBN 978-5-04-238172-0

Это издание приурочено к 255-летию со дня рождения крупнейшего государственного деятеля России — Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839). Автор и главный герой этой книги, продолжатель дела Петра Великого, ближайший помощник императора Александра I, доверенное лицо императора Николая I, остался в благодарной памяти потомков как великий образец служения на благо Родины, служения бескорыстного, преданного, жертвенного.

Личность М. М. Сперанского явила русскому обществу пример гражданина, способного к грандиозным свершениям во имя Отчизны. Россия в очередной раз продемонстрировала, что способна в случае жизненно важной необходимости возносить на вершины исторического процесса деятелей, адекватных вызовам времени.

Размышления М. М. Сперанского о государственном устройстве, дела и дни великого человека, тексты, снабженные подробными комментариями, дополненные обширными биографическими сведениями и украшенные множеством качественных старинных иллюстраций, придают книге особую ценность: это одновременно и увлекательное чтение, и иллюстрированная энциклопедия русской жизни первой трети XIX века — эпохи великих надежд, свершений и битв за будущее России.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-238172-0

© Современная версия, макет, иллюстрации,
примечания, оформление. Fortune Triumph Ltd., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

От Издательства

Эта книга приурочена к 255-летию со дня рождения крупнейшего государственного деятеля России, одного из самых блестящих умов первой половины XIX века — Михаила Михайловича Сперанского (1772—1839). Автор и главный герой этой книги, продолжатель дела Петра Великого, ближайший помощник императора Александра I, остался в благодарной памяти потомков как великий образец служения на благо Родины, служения бескорыстного, преданного, жертвенного.

М. М. Сперанский предложил свое видение разумного устройства государственной власти в ее делении на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную при сохранении самодержавной формы. При этом к обсуждению законопроектов предполагалось привлечь большое количество людей, для чего необходимо было создать специальные органы, представляющие законодательную власть, то есть думы: волостную, окружную, губернскую и Государственную. Обществу, разделенному на сословия, права и обязанности которых установлены законом, необходимы, по мнению Сперанского, гражданское и уголовное право, публичное ведение судебных дел и открытое обсуждение всех значимых мероприятий. Большое значение реформатор придавал воспитанию общественного мнения.

В силу множества причин, которые станут понятны по прочтении этой книги, реформы Сперанского — по крайней мере в том виде, в каком они мыслились и планировались их автором, — в жизнь воплотить не удалось. Но сама личность М. М. Сперанского явила русскому обществу пример гражданина, способного к великим свершениям во имя Отчизны. Важно то, Россия не в первый и не в последний раз продемонстрировала, что способна в случае жизненно важной необходимости возносить на вершины исторического процесса деятелей, адекватных вызовам времени.

Познакомившись с завершенными и незавершенными начинаниями Сперанского, с его размышлениями о русской государственности, с его взаимоотношениями с соратниками и соперниками на политическом поприще, с его глубокой личностью, читатель этой в высшей степени интересной книги в полной мере ощутит не только ее важность для более глубокого понимания истории России, но и ее актуальность — сегодня, в годину великих испытаний и новых исторических вызовов. Ведь жизнь — это движение; чтобы двигаться к цели, нужно ее отчетливо видеть, глубоко понимать и уметь соизмерять свои усилия с конечным результатом. И в этом отношении опыт великих предшественников для нас бесценен.

* * *

М. М. Сперанский не был родоначальником реформаторской деятельности в России. Он несомненно выделялся своими интеллектуальными достоинствами (что воплощалось в качестве его проектов), но работал не на пустом месте. И хотя ему нередко приходилось начинать с азов (ибо он не имел специального экономического или финансового образования), но высочайшая общая культура, проницательный ум, усердие, добросовестность, ответственность, наконец — умение найти квалифицированных и трудолюбивых помощников выводили его далеко вперед из ряда государственных чиновников.

Привлеченный молодым императором Александром I как выдающийся исполнитель, Сперанский в короткий срок стал душой реформ.

Не будем вдаваться здесь ни в анализ государственной деятельности, ни в рассказ о личной жизни Сперанского — и то и другое сполна раскрывается ниже, в текстах его произведений и писем, а также в подробных биографических материалах, сопровождающих данную публикацию.

Так почему же этот незаурядный государственный деятель, наделенный не только разнообразными талантами, но и счастливым характером, мало того — оказавшийся «в нужном месте в нужное время», пользовавшийся полным доверием и поддержкой императора, — почему он, воплощая в жизнь замыслы Александра I, утратил расположения государя?

Пожалуй, четче всего причину опалы Сперанского обозначил великий русский историк Н. М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России».

Знаменитый русский историограф точнее и глубже, чем император и его главный реформатор, почувствовал суть национального русского характера и границы возможного. Он оказался проницательнее и самодержца, и его прогрессивного идеолога. Карамзин сформулировал — как припечатал: *«Всякая новость в государственном*

порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости».

После отставки у Сперанского оставалось еще более четверти века жизни — и плодотворной, несмотря ни на что, деятельности. Впереди был его главный подвиг — кодификация российского законодательства, осуществленная уже при преемнике Александра — императоре Николае I.

Какие выводы можно сделать на примере судьбы этого выдающегося государственного деятеля? Стоит ли сожалеть о том, что Сперанскому не удалось реформировать Россию? Да — если исходить из того, что реформированная Россия могла намного раньше избавиться от крепостного права, что в свою очередь почти наверняка означало бы невозможность в дальнейшем того, что известно нам сегодня как Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война. Нет — если признать, что реформационные проекты Сперанского шли вразрез с исконными ментальными свойствами русского национального характера, которые (нужно отдать ему должное) убедительно обосновал в своей «Записке» Карамзин.

Однако история не имеет сослагательного наклонения... И если мы даже спустя два века задаемся вопросом «почему?», то это значит только одно: случившееся более 200 лет назад не утратило своей актуальности и сегодня! А это — само по себе высочайшая оценка события.

Заслуги Сперанского неоспоримы, как и его место в пантеоне виднейших государственных мужей отечественной политики. Таким личностям нашей истории забвение не грозит. Возможно, из их жизненного опыта нельзя извлечь однозначных утилитарных выводов, но как знаки предостережения на маршруте, по которому движется в будущее нация, культура, государство, цивилизация, — они бесценны. Ибо учат нас главному: ответственности, осторожности и смирению. А это значит, что не все, что мы в состоянии сделать, нужно делать. И не от всего, что сделать трудно, следует отказываться.

С. Н. Южаков

МИХАИЛ
СПЕРАНСКИЙ.
ЕГО ЖИЗНЬ
И ОБЩЕСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ¹

¹ Южаков С. Н. М. М. Сперанский: Его жизнь и общественная деятельность. Биогр. очерк. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1892. Жизнь замечательных людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова.

Глава I

ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА I И ВОЗВЫШЕНИЕ СПЕРАНСКОГО

Отзыв Пушкина о Сперанском и начало правления Александра I. — Общая радость при его воцарении. — Оды Державина и Карамзина. — Общие ожидания и надежды. — Записка Каразина. — Намерения Александра. — Неофициальный комитет. — Задачи нового правительства. — Роль Сперанского. — Происхождение и рождение. — Родители и родные. — Детство и воспитание. — Владимирская семинария. — Александрово-Невская главная семинария (духовная академия). — Профессорство и литературные опыты. — Секретарство у Куракина. — Воцарение Павла и служба при генерал-прокурорах. — Служебные успехи. — Личная жизнь и характеристика.

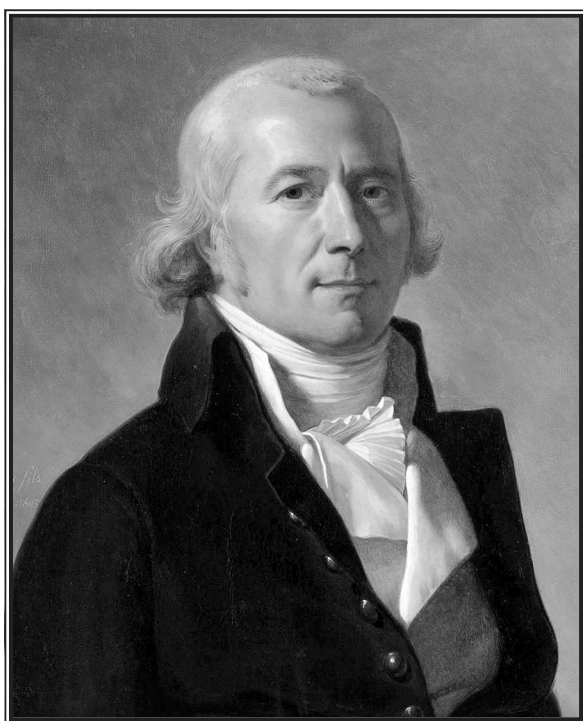
В прошлое воскресенье я обедал у Сперанского, — отмечает Пушкин в своем дневнике (2 апреля 1834 года). — Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении зла и блага*. Так характеризует нам поэт значение своего знаменитого современника. «Гений блага» в начале царствования Александра I, начале, столь богатом благими начинаниями, — этим очень много сказано, и художественная образность этой метафоры только ярче, рельефнее выступает от сопоставления с «гением зла», стоящим у противоположных дверей того же правления. А что такое было начало царствования нового императора Александра I и как оно понималось и принималось современниками, об этом единогласно свидетельствуют все источники и все исследования.

Весть о вступлении императора Александра на престол «была в целом государстве, — по словам Карамзина, — вестью искупления; в домах, на улицах люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлого Воскресенья». «В России Император Новый!» — восклицал тот же Карамзин в стихах, написанных по этому случаю.

«Серьезное, конечно, соединялось с мелочным и пошлым», — замечает об этом времени А. Н. Пыпин. «В первые моменты царствования, — рассказывает Саблуков, — общество предалось необузданной ребяческой радости. Как только узнали о смерти Павла, тотчас исчезли косички и букли, явилась строго прежде запрещенная прическа *a la Titus*¹, круглые шляпы и сапоги с отворотами; дамы оделись в новые костюмы, на улицах понеслись экипажи с запрещенною и еще не дозволенною вновь упряжью»².

¹ Мужская прическа по имени римского императора Тита. Появилась в период Французской революции. Коротко остриженные волосы по античному образцу закручивались по всей голове в кудри или завивались и начесывались на лоб.

² Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 94 (неточная цитата).

Фредерик Сезар Лагарп.

Художник Ж. О. Пажу. 1803 г.

Фредерик Сезар Лагарп (1754–1838) — швейцарский генерал и государственный деятель. С 1783 г. в Санкт-Петербурге занимался науками с великими князьями Александром и Константином Павловичами. Пытался привить будущему императору Александру I идеалы эпохи Просвещения.

По другим рассказам, «Зубов вскоре после катастрофы устроил для своих сотоварищей оргию, на которой явился во фраке и жилете и метал банк, что строго было запрещено при Павле, — как будто весь переворот нужен был только для возвращения той нравственной разнузданности, к которой высшее барство привыкло при Екатерине». Но, конечно, не все были только Зубовы, и та сословная оппозиция императору Павлу, которая сложилась к концу его правления, заключала в себе и Зубовых, и Паниных. Последний — граф Никита Петрович, племянник известного Н. И. Панина, имел широкие преобразовательные планы. Но от этой оппозиции «желавшие только перемены государя, — замечает Фонвизин, — были награждены; искавшие прочного устройства отдалены навек».

Оппозиция (или часть ее) имела задачей «прочное устройство». Александр не одобрил на этот раз ее стремлений, но не потому, чтобы в то время не разделял их. В минуту его воцарения это была общая ходячая мысль, которую увлекались даже консерваторы, вскоре с ужасом отшатнувшиеся от первых шагов ее осуществления.

Державин в упомянутой уже оде на воцарение Александра восклицает:

*Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченных душ,
Как пар возносятся высокий
И зарождают гром средь туч:
Он вертится, падет внезапно
На горды зданиев главы.
Внемлите правде сей стократно,
О власти сильные, и вы!
Внемлите и теснить блюдитесь
Вам данный управлять народ.*

Карамзин не менее, если не более, консерватор, чем Державин, выражается еще определеннее:

*Короны блеском ослепленный,
Другой в подвластных зрит рабов;
Но Ты, душою просвещенный,
Не терпишь стука их оков.
Тебе одна любовь прелестна;
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарным быть?
Любовь со страхом не совместна:
Душа свободная одна
Для чувств ее сотворена.
Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, нам мила
И с пользою царей согласна,
Ты вечно славой их была.
Свобода там, где есть уставы,
Где добрый не боясь живет;
Там рабство, где законов нет,
Где гибнет правый и неправый.*

В заключение ода рекомендовала Александру: «Трудись, давай уставы нам — и будешь первый по делам».

Если старое консервативное поколение, еще не оправившееся от «мрачных ужасов зимы» и еще не позабывшее «рев Норда сиповатый», заговорило этим языком, то чаяния и желания молодого поколения были много определеннее и шли дальше. «Через несколько дней по вос-

шествии на престол Александра, — читаем мы у В. И. Семеvского, — была найдена во дворце восторженная записка, в которой, между прочим, выражались следующие чаяния от нового императора: “Он даст нам непреложные законы... Он повелит в пространстве России избрать старцев, достойных беспредельнейшей доверенности своих сограждан, и, поставив их вне сферы честолюбия и боязни, уделить им весь избыток своей власти, да охраняют святая святых отечества... Он первый употребит самовластие на обуздание самовластия; первый, кто по чистейшему движению сердца пожертвует человечеству собственными выгодами!.. Он обеспечит права человечества в помещичьих крестьянах, введет у них собственность, поставит пределы их зависимости”¹. Автором записки был В. Н. Каразин, поощренный Александром в его идеях. Таковы были задачи и надежды, с которыми встречено было новое царствование. Таковы же были задачи и надежды, с которыми и сам молодой император принимал бразды правления после того, как так быстро, по выражению Державина, «закрылся грозный, страшный взгляд».

«Я никогда не буду в состоянии привыкнуть к идее царствовать деспотически», — писал Александр вскоре по воцарении своему воспитателю Лагарпу, с ранней юности заложившему в его душу любовь к свободе и отвращение к произволу. Идея преобразовать правление в России была прямым следствием этого настроения, и мы имеем в воспоминаниях князя Адама Чарторыйского, состоявшего при Александре в последние годы правления Екатерины II, весьма интересное свидетельство: «Великий князь (то есть Александр), — читаем мы у А. Н. Пыпина, — с самого начала оказывал внимание Чарторыйскому и, выбрав случай для интимного разговора, высказал ему симпатию, которую внушало ему положение братьев Чарторыйских при дворе (бывших чем-то вроде заложников), спокойствие и покорность судьбе, какие они обнаруживали; говорил, что он угадывал и разделял их чувства, считал нужным не скрывать от них своих мнений, которые не похожи на мнения императрицы и двора, что он не разделяет ее политики, сожалеет о Польше, что Костюшко в его глазах есть великий человек по своей до-

Василий Назарович Каразин.
Миниатюра. 1803 г.

Василий Назарович Каразин (1773—1842) — ученый, инженер и общественный деятель, просветитель. Инициатор создания Министерства народного просвещения Российской империи.

бродетели и по справедливости дела, которое он защищал»². «Он признавался мне, — продолжает Чарторыйский, — что он ненавидит деспотизм везде и каким бы образом он ни совершался, что он любит свободу и что она должна равно принадлежать всем людям, что он принимал живейший интерес во Французской революции, что он хотя и осуждал ее страшные заблуждения, но желал успехов республике и радуется им... Его мнения были мнения юноши 1789 года, который хотел бы видеть повсюду республики и считает эту форму правления единственно сообразной с желаниями и правами человечества».

С такими идеями и с таким настроением находим мы Александра в последний год правления Екатерины, к которому относятся эти беседы с Чарторыйским. Краткое, но поучительное правление Павла, за тем последовавшее, не могло ослабить в молодом и впечатлительном прин-

¹ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. В 2 т. СПб., 1888.

² *Пыпин А. Н.* Общественное движение при Александре I. Изд. 2-е. СПб., 1885.

Князь Адам Чарторыйский.
Художник С. С. Щукин. 1808 г.

Адам Ежи Чарторыйский (1770—1861) — глава княжеского рода Чарторыйских, в начале XIX в. был близок к Александру I, входил в его «негласный комитет», был министром иностранных дел Российской империи (1804—1806). Глава национального правительства в дни Ноябрьского восстания 1830 г. В середине XIX в. его парижский особняк стал штаб-квартирой польской эмиграции.

це склонности к этим идеям и планам. Если такие консерваторы, как Карамзин, заговорили о свободе и уставах как прямом выводе из последних четырех лет нашего XVIII века, если при самом дворе возникла и сложилась та активная оппозиция, о которой мы упомянули выше, то на Александре, в душе которого почва была гораздо более приготовлена к освободительным идеям, эти, по выражению Карамзина, «мрачные ужасы зимы» должны были оставить более глубокий след и укрепить его намерения преобразовать Россию.

«Здесь, — писал он об этой эпохе Лагарпу, — капрал предпочитается человеку образованному и полезному». Александр воцарился с надеждою сделать невозможным повторение такого порядка. «Вступление на престол Александра I обеща-

ло России светлое будущее, — пишет профессор Иконников. — Уже в начале мая 1801 года он имел совещание с близкими людьми о необходимости преобразования политического строя государства, а в июне того же года открылись заседания *неофициального комитета* по разным вопросам предполагаемой реформы. Членами означенного комитета были: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, князь Адам Чарторыйский и граф П. А. Строганов»¹. Кочубей, попавший в опалу в последнее время правления императора Павла, был вызван из провинции немедленно по воцарении Александра, а Новосильцев и Чарторыйский — из-за границы, где первый состоял при русском посольстве в Лондоне, а второй — при Сардинском короле (бывшем тогда королем без королевства, ибо последнее отняли у него французы). «Комитет составил, по желанию императора, из лиц, удостоившихся доверия, для некоторого сотрудничества с ним в систематической работе над реформой *«de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire»*² (как значит в протоколах этого комитета). Работа должна была начинаться обзором настоящего состояния разных частей управления и затем решено было «предпринять реформу всех различных частей администрации *et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie, offerte dans une constitution réglée d'après le véritable esprit de la Nation*³». Это последнее и было господствующей мыслью Александра, сочувствие к которой он находил в своих сотрудниках.

Вот с какими задачами, планами и надеждами открывалось царствование Александра I, и в это время, по выражению Пушкина, Сперанский явился «гением блага», самым выдающимся и значительным государственным деятелем. Обратимся же теперь к изучению этой интересной личности и еще более интересной деятельности ее.

* * *

В небольшой захолустной деревушке Черкутинне, Владимирской губернии и уезда, вотчине князей Салтыковых, у бедного приходского свя-

¹ Иконников В. С. Граф Мордвинов. СПб., 1873.

² «Бесформенного здания управления империей» (фр.).

³ И наконец увенчать эти различные институты гарантией, предоставленной в конституции, установленной в нынешнем духе нации (фр.).

щенника Михаила Васильева, не имевшего даже родового прозвища, и жены его Прасковьи Федоровой, дочери местного дьякона, родился 1 января 1772 года сын Михаил, впоследствии, при поступлении в семинарию, получивший фамилию Сперанского и под этим именем вписавший себя и свой скромный род в историю XIX века. Род этот, по словам самого Сперанского, передаваемым И. И. Дмитриевым, известным баснописцем и министром юстиции в эпоху Сперанского, происходил из Малороссии, где один из его предков был хорунжим в малороссийском казачьем войске. Биограф Сперанского, барон М. А. Корф сомневается, впрочем, в достоверности этого предания¹. Достоверно известно только, что дед Сперанского, священник Василий, священствовал в том же Черкутине; что сын его, а Сперанского отец, Михаил был сначала дьяконом там же, и за год до рождения будущего государственного деятеля, в 1771 году, получил там же священническое место. Детей отец Михаил имел немало, но вырастил немногих, — двух сыновей, Михаила (родившегося четвертым, но выросшего вторым после сестры Марии) и Кузьму, и двух дочерей, Марию и Марфу.

Родители Сперанского были люди вполне заурядные, ничем не выдававшиеся в той среде, в которой жили и действовали. Отец был известен своим огромным ростом и тучностью, за что и получил от своих прихожан прозвище Омета², и отличался, по словам барона Корфа, добродушием, «очень обыкновенным, почти ограниченным умом» и отсутствием всякого образования. Священник трезвый и исполнительный, он многие годы исправлял должность благочинного, а в 1797 году, по болезни и старости, оставил место, которое от него по наследству получил его зять, священник, впоследствии протоиерей, Михаил Федорович Третьяков, женатый на его младшей дочери Марфе (старшая дочь Мария была замужем за дьячком Петровым).

Скончался отец Сперанского 28 мая 1801 года, как раз в то время, когда новое царствование открывало новые перспективы его старшему сыну, уже и тогда человеку чиновному. Сановником своего сына старику увидеть не пришлось. Зато

мать видела его и на высоте первого сановника империи, и в опале и ссылке, и снова на высоте. Она умерла 24 апреля 1824 года, на 84-ом году жизни. Биограф Сперанского нашел о ней сказать только, что «при маленьком росте, проворная, живая, она отличалась особенной деятельностью и остротою ума; кроме того, все в околоте уважали ее за набожность и благочестивую жизнь». Вполне естественно, что, как замечает тот же биограф, «участие родителей в деле первого воспитания их сына было самое незначительное».

Единственное, что еще можно отметить из этого раннего периода жизни Сперанского, это свидетельство его родных, что он был мальчиком слабого здоровья, склонным к задумчивости, рано выучился читать и пристрастился к чтению, которое, конечно, не могло быть разнообразно в доме бедного и малообразованного сельского священника. Семи лет он был отвезен во Владимир и отдан в семинарию, где, ввиду обнаруженных им способностей, и был записан Сперанским, то есть подающим надежды, Надеждиным³.

В семинарии Сперанский учился отлично, был замечен местным архиереем, зачислен им в архиерейский хор, что считалось отличием, а ректор семинарии сделал его своим келейником (тоже отличие). В 1790 году как лучший ученик он восемнадцатилетним юношей был отправлен для продолжения образования в Петербург, в главную Александро-Невскую семинарию, как тогда называлась Духовная академия. Здесь тоже Сперанский был из первых учеников, особенно отличаясь в науках математических. Преподавание в этом высшем духовном училище было тогда далеко не на высоте высшего учебного заведения. Тем не менее именно здесь окончательно дисциплинировался ум Сперанского, здесь же он овладел французским языком, открывшим ему доступ к всемирной литературе, и здесь же ему была указана эта литература одним из профессоров, большим поклонником Вольтера и Дидро. С этого времени он уже начинает изучать богатую философскую литературу XVIII века, читает Декарта, Локка, Лейбница, энциклопедистов и французских мыслителей XVIII века, до Кондильяка включительно. Ему в это время начина-

¹ См.: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб., 1861.

² *Омёт* — стог сена, большая круглая копна соломы.

³ *Spero* — надеяться (лат.).

ют поручать говорить проповеди, которые имеют большой успех, в списках хранятся слушателями и переписываются любителями.

В 1792 году Сперанский двадцати лет окончил курс и, замеченный митрополитом Гавриилом, оставлен в Петербурге профессором математики, физики и красноречия в той же главной семинарии, в которой только что окончил учение. Через три года его переводят на кафедру философии и назначают префектом семинарии. Это было знаком большого отличия со стороны митрополита, потому что до него префектами главной семинарии назначались духовные лица. К этому времени его профессорской деятельности относится завершение его философского образования и его первые литературные опыты. Это были большею частью небольшие рассуждения на философские темы. Одно из них «О силе, основе и естестве» было впоследствии, по смерти Сперанского, напечатано в «Москвитянине» за 1842 год. Кроме того, им написано в это время руководство для своих учеников по кафедре красноречия, под заглавием «Правила высшего красноречия». Оно тоже не было напечатано при жизни Сперанского и сохранилось не вполне. На составление этого руководства можно указать не только как на признак развития умственных интересов, но и как на свидетельство особой добросовестности в исполнении своих обязанностей, которая всегда и потом отличала Сперанского.

В это же время, то есть в последние годы правления Екатерины II, произошла в жизни скромного академического профессора перемена, проложившая ему дорогу на совершенно иное поприще. Одному из екатерининских вельмож, князю А. Б. Куракину, понадобился домашний секретарь для заведования его обширной служебной и частной перепискою. Митрополит Гавриил рекомендовал ему профессора Сперанского, нуждавшегося в средствах ввиду бедности его родных, которым он всегда посильно помогал. «Для испытания молодому человеку ведено было явиться однажды к восьми часам вечера, и Куракин поручил ему написать одиннадцать писем к разным лицам, употребив около часа на одно изъяснение на словах того, что следовало сказать в каждом письме. Сперанский, чтобы немедленно заняться порученным ему делом, без потери времени в переходах в отдаленную семинарию,

а оттуда опять назад, остался на ночь у Иванова (своего земляка и приятеля, служившего и жившего у Куракина) и тут же написал все одиннадцать писем, так что к шести часам утра они уже лежали на столе у Куракина. Князь сперва не хотел верить своим глазам, что дело уже выполнено, а потом, прочтя письма и видя, как они мастерски изложены, еще более изумился, расцеловал Иванова (также со своей стороны рекомендовавшего Сперанского) за приисканный ему клад и тотчас принял к себе Сперанского». Блестящие способности, обнаруженные на этой частной службе, проложили Сперанскому дорогу и на службу государственную, когда при Павле его патрон получил большое служебное назначение.

Из этого периода частной секретарской службы у Куракина (что не мешало ему оставаться профессором и в семинарии) следует отметить не очень многое. Положение его было немногим выше старшей прислуги, с которою он и обедал и с которою сохранил и впоследствии приятельные отношения. Сблизился же в это время он особенно с губернатором молодого князя, немцем Брюкнером, который очень полюбил Сперанского и проводил в беседах с ним все свободное время. Брюкнер был человек резких либеральных мнений, последователь Вольтера и энциклопедистов и вместе с тем с глубокими и многосторонними сведениями. Под его влиянием окончательно сложилось то политическое мировоззрение Сперанского, которое потом сказалось в обширных реформаторских планах при императоре Александре I. Вероятно, влиянию того же Брюкнера, пользовавшегося большим доверием князя и княгини, Сперанский обязан и тем, что ему было поручено преподавание русского языка малолетнему племяннику князя Куракина, Сергею Уварову, впоследствии графу и министру народного просвещения, навсегда сохранившему самые теплые и сердечные отношения к своему бывшему наставнику.

В 1796 году скончалась Екатерина II и воцарился Павел, радикально изменивший весь состав правительства. Князь Куракин был назначен генерал-прокурором Правительствующего Сената. В то время, когда еще не существовало министерств и все дела по всем ведомствам проходили через сенат, должность генерал-прокурора была самой важной в государственном механизме.

Генерал-прокурор докладывал императору все дела, проходившие через сенат, то есть все дела внутреннего управления по всем ведомствам, кроме военного. Куракин, назначенный генерал-прокурором, был сначала в большой милости у императора, который 19 декабря 1796 года пожаловал ему Александровскую ленту, 5 апреля 1797 года — чин действительного тайного советника, 4 октября 1797 года — бриллиантовые знаки Александровского ордена, а 19 декабря 1797 года — Андреевскую ленту. Это быстрое возвышение завершилось таким же быстрым падением.

В следующем 1798 году Куракин впал в немилость, был смещен со всех должностей и сослан в деревню. В бытность свою у власти Куракин успел, однако, прочно устроить своего бывшего домашнего секретаря и вознаградить его за оказанные им услуги. Как магистр и профессор Сперанский был определен в канцелярию генерал-прокурора прямо с чином титулярного советника. Быстро повышаясь в чинах и орденах, Куракин так же быстро повышал и Сперанского, которого, при своем падении, оставил уже коллежским советником и на должности экспедитора (правителя дел). На место Куракина был назначен князь Лопухин, на его место Беклешов¹, потом Оболянинов.

Быстрое возвышение и падение было уделом всех сановников при императоре Павле, но все четыре генерал-прокурора не могли не ценить редких способностей молодого чиновника, и карьера Сперанского не прерывалась этими катастрофами наверху, в сферах сановных, которых он еще не достиг. За это время он был произведен в статские советники, получил 2 тысячи десятин в Саратовской губернии и орден. В это же время, кроме своей должности в канцелярии генерал-прокурора, он был секретарем комиссии по снабжению столицы хлебом (где председателем был наследник престола великий князь Александр), а также секретарем Андреевского ордена. Таковы были успехи Сперанского на служебном поприще в кратковременное, но беспокойное

Князь Алексей Борисович Куракин.

*Гравюра А. Г. Ухтомского
по оригиналу Л. Гуттенбрунна. 1801 г.*

Алексей Борисович Куракин (1759–1829) — князь, государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса, занимал ряд высших постов в царствования Павла I и Александра I. Был генерал-прокурором Правительствующего сената (1796–1798) и министром внутренних дел Российской империи (1807–1810).

правление императора Павла. Вся эта многосторонняя служебная деятельность, а особенно служба в генерал-прокурорской канцелярии, где сосредоточивалось, как сказано, все внутреннее управление страны, была отличною школой для будущего государственного деятеля. Школа эта, однако, была не из легких, ввиду особых свойств того времени.

«При всех четырех генерал-прокурорах, — рассказывал впоследствии сам Сперанский, — различных в характерах, нравах, способностях, был я, если не по имени, то на самой вещи, правителем их канцелярии. Одному надобно было угождать так, другому — иначе; для одного достаточно было исправности в делах, для другого более того требовалось: быть в пудре, в мундире,

¹ Александр Андреевич Беклешов (1743/1745–1808) — государственный и военный деятель; генерал от инфантерии (1797), генерал-прокурор (в 1799 и 1801), московский градоначальник, московский военный губернатор и главноначальствующий в Москве и Московской губернии по гражданской части (1804–1806).

Петр Хрисанфович Оболянинов.
Миниатюра. 1801 г.

Петр Хрисанфович Оболянинов (1752–1841) — фаворит Павла I, генерал от инфантерии, в 1800–1801 гг. генерал-прокурор Правительствующего сената. С 1816 по 1832 гг. (дольше, чем кто-либо) был предводителем московского губернского дворянства. Кавалер орденов св. Анны, св. Александра Невского, св. апостола Андрея Первозванного, командор ордена св. Лазаря Иерусалимского.

при шпаге, и я был — всяческая во всем. После Беклешова сам государь предостерегал против меня его преемника, полагая меня в связях с Куракиным и Беклешовым и им преданным; но генерал-прокурор горою за меня стоял и находил необходимым иметь при себе. Беклешов был их всех умнее, но и всех несчастнее — ему ничего не удавалось; всех их менее имел способностей Оболянинов — и ему все с рук сходило».

Выдающиеся способности делали Сперанского необходимым, и потому его карьера была обеспечена и без обычного в то время искательства и угодливости. Известны факты, доказывающие, что в это время Сперанский не отличался этими качествами, а умел сохранять нравственную независимость, для того времени очень значительную. Известно, например, что когда Куракин

впал в немилость и опалу, первым движением Сперанского было тоже оставить службу и последовать за опальным вельможею, покровительству которого он был обязан первыми служебными успехами. Сам Куракин с трудом отклонил Сперанского от этого благородного решения. В другом роде, но не менее характерны сведения о его отношениях к грубому и деспотичному Оболянинову.

«Сперанский был много наслышан о грубом и запальчивом нраве нового своего начальника. В городе ходил не один анекдот о площадных ругательствах, которыми он осыпал своих подчиненных, и друзья молодого чиновника пугали его предстоявшею ему будущностью... Наш экспедитор понимал, что многое должно будет решиться первым свиданием, первым впечатлением; и вот в назначенный день и час он является в переднюю грозного своего начальника. О нем докладывают, его велено впустить. Оболянинов, когда Сперанский вошел, сидел за письменным столом, спиною к двери. Через минуту он оборотился и, так сказать, остолбенел. Вместо неуклюжего, раболепного, трепещущего подьячего, какого он, вероятно, думал увидеть, перед ним стоял молодой человек очень приличной наружности, в положении почтительном, но без всякого признака робости или замешательства и притом — что, кажется, всего более его поразило — не в обычном мундире, а во французском кафтане из серого грогрена¹, в чулках и башмаках, в жабо и манжетах, в завитках и пудре — словом, в самом изысканном наряде того времени... Сперанский угадал, чем взять над этою грубою натурой. Оболянинов тотчас предложил ему стул и вообще обошелся с ним так вежливо, как только умел». Сперанский этим способом хотел показать Оболянинову, что он «не то, что другие» (собственные слова Сперанского об этом случае), другими словами, что он не из тех, с которыми возможно грубое и необузданное обращение.

Способ был очень смелый и рискованный, но в этом случае он достиг цели. «Представьте себе, — говорит по этому поводу Н. Г. Чернышевский, — какое впечатление было бы произведено и теперь на важного сановника, если бы безродный маленький чиновник явился к нему

¹ Грогрэн — шелковая ткань (в крупный рубчик).

с первым докладом не в должностном костюме, а в простом фраке. Тогда это было еще опаснее. Сперанский рисковал не только быть выгнанным со службы, — он рисковал быть отданным под суд, удаленным из Петербурга, и никто уже не согласился бы принять вновь на службу дерзкого вольнодумца¹. Для Сперанского важно было лишь первое время уметь себя поставить, а затем он знал, что сделается необходимым.

Действительно, по отзыву современников, он очень скоро стал «приближенным к особой и отличной доверенности Оболянинова», который, как мы выше видели, не внял предостережениям самого императора. Многочисленные отзывы и свидетельства современников, собранные в книге барона Корфа, единогласно указывают на блестящие способности как на главную причину быстрых служебных успехов Сперанского, а его нравственный облик дорисовывают, характеризуя его человеком, «ко всем приветливым, непритязательным, милым, красноречивым, наконец, чрезвычайно любимым товарищами».

Нельзя не отметить еще тех немногих данных, которыми мы располагаем для характеристики отношения Сперанского к своему служебному делу. Без всякой деловой школы (замечает его биограф), без другого приготовления, кроме домашней переписки у Куракина (биограф здесь слишком мало ценит высшее образование и философское развитие, которое отличало Сперанского в среде тогдашнего чиновничества), он с учительской кафедры ступил прямо на пост делопроизводителя такой канцелярии, которая одна совмещала в себе почти все нынешние министерства. Молодой человек учился в пылу самой работы, и каждое дело, каждая бумага, каждый вопрос расширял круг его сведений в области, до тех пор совершенно для него новой... Впрочем, *тогдашний* Сперанский соединял в себе два некоторым образом противоположных качества: с одной стороны, навык от прежней сферы занятой к глубокомысленному размышлению и труду самому усидчивому; с другой — энтузиазм и увлечение, легко воспламенявшиеся каждым новым предметом или впечатлением, — качества двух полюсов: ученого и поэта.

В сослуживцах его большею частью не было ни того, ни другого. Он не мог не чувствовать

своего превосходства над ними и даже иногда выражал его не таясь, по крайней мере в откровенных беседах с друзьями. *Больно мне, друг мой*, — пророчески писал он одному из них в начале 1801 года, — *если смешаете вы меня с обыкновенными людьми моего рода: я никогда не хотел быть в толпе и конечно не буду*. Но такая самоуверенность не мешала ему любить людей и верить им как по врожденному чувству, так и потому, что еще не испытывал от них никаких разочарований. *Дай Бог*, сказано в другом его письме того же года, *чтобы ко мне имели столько доверия, сколько я к другим имею...*

Бывали, однако, и такие минуты, уже спустя несколько лет после определения его в службу, в которых проглядывали отчасти неудовольствие или нетерпеливость. Так, от 19 января 1801 года он писал: *я живу по-прежнему, то есть в хлопотах или в скуке, два препровождения обыкновенного моего времени*, а в письме к другому лицу, около той же эпохи (то есть последнее время правления императора Павла), мы находим следующее место: *я болен, мой друг, и в бесконечных хлопотах. Пожалей о человеке, которого все просят, который всем хочет добра и редкому сделать его может, и рвется тем сильнее, что положение его многих обманывает, — положение, а не сердце. Пожалей о человеке, которому столько завидуют*. Тут видна (продолжает от себя барон Корф) борьба с теснящими внешними обстоятельствами: сознавая свои силы и свои достоинства, Сперанский жаждал высшей деятельности, а вместо того ему приходилось вращаться в озабочивающих мелочах канцелярского производства и к тому же, прибавим мы, он был свидетелем, как государственные и общественные дела в это время генерал-прокуратуры Оболянинова идут по наклонной плоскости и во всяком случае не согласно с теми воззрениями и мнениями, которые, — при его философском образовании и политическом направлении, — он мог себе составить.

Героем Сперанский не был в эту эпоху, как никогда им и не будет, но он был безусловно честным человеком, горячо преданным благу человечества и своим убеждениям и не менее горячо желавшим «высшей деятельности» для осуществления своих в тиши кабинета выработанных заветных идей. «Сперанский непритворно желал осуществить то, в пользу чего был убежден», — замечает о нем Чернышевский.

¹ Чернышевский Н. Г. Русский реформатор // Современник. 1861. № 12.

Такою рисуется перед нами молодость Сперанского в этот подготовительный период его жизни, если мы рассматриваем эту жизнь по отношению к тому делу общественного и государственного служения, которое в последующие периоды его жизни сделало его имя историческим и знаменитым в лучшем значении этого слова.

Еще симпатичнее представляется эта личность, когда мы оглянемся на частную и семейную жизнь. Мы уже упоминали о его заботах о своих родителях, о теплом и приятельском отношении к прислуге князя Куракина и после того, как их бывший сотрапезник стал важным чиновником и даже сановником, о хороших воспоминаниях, оставленных им в памяти мелких сослуживцев своих этого времени.

Можно было бы прибавить еще немало подобных симпатичных черт, разбросанных в материалах и отзывах о нем. Но еще характернее и важнее его брак, заключенный именно в эти последние годы императора Павла. В это время Сперанский был уже на такой дороге, что мог рассчитывать на самую блестящую будущность, а следовательно и на блестящую партию, которая укрепила бы его положение, дала бы ему, безродному попovichу, связи и опору в чиновном и сановном мире.

Карьерист, конечно, так и поступил бы. Он даже выждал бы время, чтобы, еще возвысившись, иметь еще лучшие связи благодаря заключенной партии. Сперанский же женился по любви на бедной англичанке Елизавете Андреевне Стивенс, дочери гувернантки, без связей и состояния. Он горячо любил жену и был, по всем свидетельствам, очень счастлив с ней, но и года не прошло этому счастью, как она умерла от скоротечной чахотки, оставив мужу грудную дочь да свою мать, его тещу, особу необузданного и невыносимого характера. Удар, нанесенный этой кончиной, был тем ужаснее, что Сперанский был мало приготовлен к нему. «Муж, с своей стороны, тоже не видел ничего опасного в ее нездоровье, — рассказывает барон Корф, — даже

в ту минуту, когда обожаемая им жена, после одиннадцатимесячного супружества, испускала последний вздох, он был по службе в Павловске и при предсмертных ее страданиях находилась одна г-жа Вейкард. Когда Сперанский возвратился домой, он нашел остывший труп. Оставив у изголовья дочери записку, в которой нарекал ее, по бабке и по матери, именем Елизаветы и написав несколько строк... с просьбою не отыскивать его нигде — он исчез. Первая мысль была, что несчастный лишил себя жизни. Но на следующее утро он с всклокоченными волосами, со страшно изменившимся лицом явился в свое жилище, приложился к телу и опять исчез. Так повторялось все время, пока тело лежало в доме. Он приходил поутру, приходил вечером, лобызал дорогой прах и снова пропадал. Даже последний долг покойной (она погребена на Смоленском кладбище) был отдан без него, и с этого времени он не возвращался более домой и не показывался ни на службе, ни у знакомых. Уже только через несколько недель его отыскивали в глуши, на одном из Невских островов, совершенно углубленного в свою печаль».

Сознание своих обязанностей перед дочерью, а быть может и перед своими убеждениями, возвратило, однако, Сперанского к жизни и деятельности и спасло от самоубийства, к которому он был очень близок одно время. Отчаяние первого времени улеглось, перешло в тихую печаль и благоговейное почитание памяти покойной Елизаветы Андреевны, которой он остался верен всю жизнь. Овдовев двадцати семи лет, после одиннадцатимесячного супружества, Сперанский остался вдовцом на всю остальную долгую жизнь свою (он умер шестидесяти семи лет), хотя было время, когда он мог бы выбирать между первыми невестами империи. Любовь к дочери и преданность своим идеям и планам заменили ему отныне все радости семейной жизни.

Наступало, между тем, для Сперанского время проявить эту преданность и возвестить эти планы.

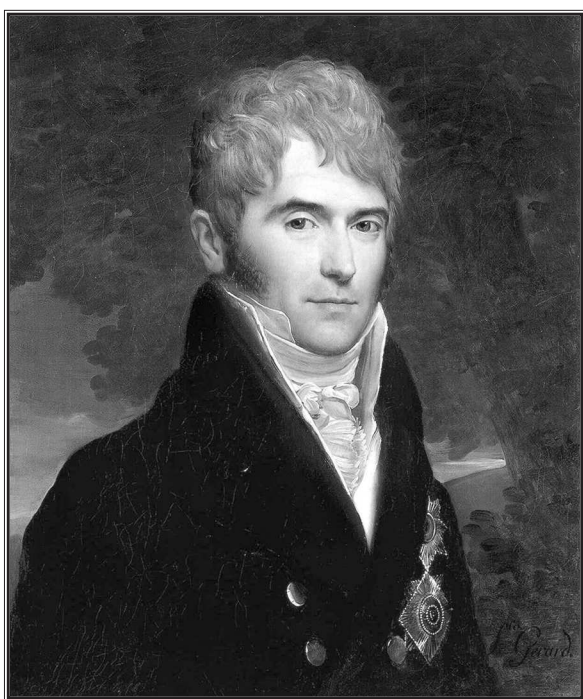
Глава II

СПЕРАНСКИЙ-РЕФОРМАТОР

Сперанский при Троцинском и Кочубее. — Приближение к Александру. — Поездка в Эрфурт. — Поручение проектировать план общей политической реформы. — Обзор плана Сперанского. — Разделение властей, вертикальное (власти законодательная, судебная и исполнительная) и горизонтальное (управление местное и государственное). — Децентрализация законодательства, суда и администрации. — Организация центральных государственных установлений. — Государственная дума. — Сенат. Министерство. — Государственный совет. — Характеристика плана. — Обзор некоторых возражений.

12 марта 1801 года вступил на престол император Александр I, и через неделю, 19 марта, состоялся указ сенату: «Всемилоостивейше повелеваем быть при нашем тайном советнике Троцинском¹, у исправления дел, на него по доверенности нашей возложенных, статскому советнику Сперанскому со званием нашего статс-секретаря». Троцинский же, до собрания неофициального комитета, члены которого в это время были еще рассеяны по Европе и России, был первым приближенным молодого императора, через него начавшего осуществлять свои намерения. Таким образом, с первых шагов Сперанский очутился в самом центре труда по этому осуществлению, хотя покуда еще в роли простого исполнителя и редактора. Из того ряда мероприятий и указов, которыми в первые годы правления Александра ликвидировалось наследие предыдущего царствования и открывались впервые перспективы устройства будущего на иных началах, к этому времени сотрудничества Сперанского с Троцинским относятся следующие: о свободном пропуске едущих в Россию и отъезжающих из нее; отмена запрещения на вывоз за границу хлеба и вина; отмена запрещения ввозить из-за границы всякие книги и музыкальные ноты; распечатание частных типографий, запрещенных при Павле, и дозволение им печатать книги и журналы; манифест о восстановлении жалованных грамот дворянству; манифест о восстановлении городского положения и грамоты, данной городам; манифест об уничтожении тайной экспедиции и об облегчении участи преступников; освобождение священников и дьяконов от телесного наказания; указ президенту Академии наук не принимать для напечатания в ведомостях объявлений о продаже людей без земли; указ сенату о представлении ему особого доклада о правах его и обязанностях; образование комиссии составления законов и др. В это же время был образован впервые

¹ Дмитрий Прокофьевич Троцинский (1749—1829) — автор манифеста о восшествии на престол Александра I, в котором император обещал «управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в бозе почитающей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой»; член Государственного совета (с 1801), министр уделов (1802—1806), министр юстиции и генеральный прокурор Правительствующего Сената (1814—1817), тайный советник, сенатор.

Управляющий Министерством внутренних дел
Российской империи
граф Виктор Павлович Кочубей.
Художник Ф. Жерар. 1809 г.

государственный совет, где Сперанский, с сохранением звания статс-секретаря, был назначен начальником экспедиции по части гражданской и духовной. «Трошинский поручал Сперанскому, независимо от его обязанностей по совету, составление всех манифестов, указов и пр., которыми так обиловало начало царствования Александра I» и некоторые из которых нами выше перечислены.

Так дела шли в течение 1801 и частью 1802 годов. 8 сентября этого последнего вышел указ об учреждении министерств, совершенно изменивший порядок высшего управления. Министром внутренних дел был назначен граф Кочубей, а докладчиком по делам комитета министров — Новосильцев. Отныне на несколько лет вся власть и сила сосредоточились в этом неофициальном кружке приближенных императора. Мы знаем уже, какими задачами задавался этот кружок и сам император во главе его. Кочубей, уже раньше знакомый со Сперанским, наметил его в свои ближайшие сотрудники. «Еще до издания мани-

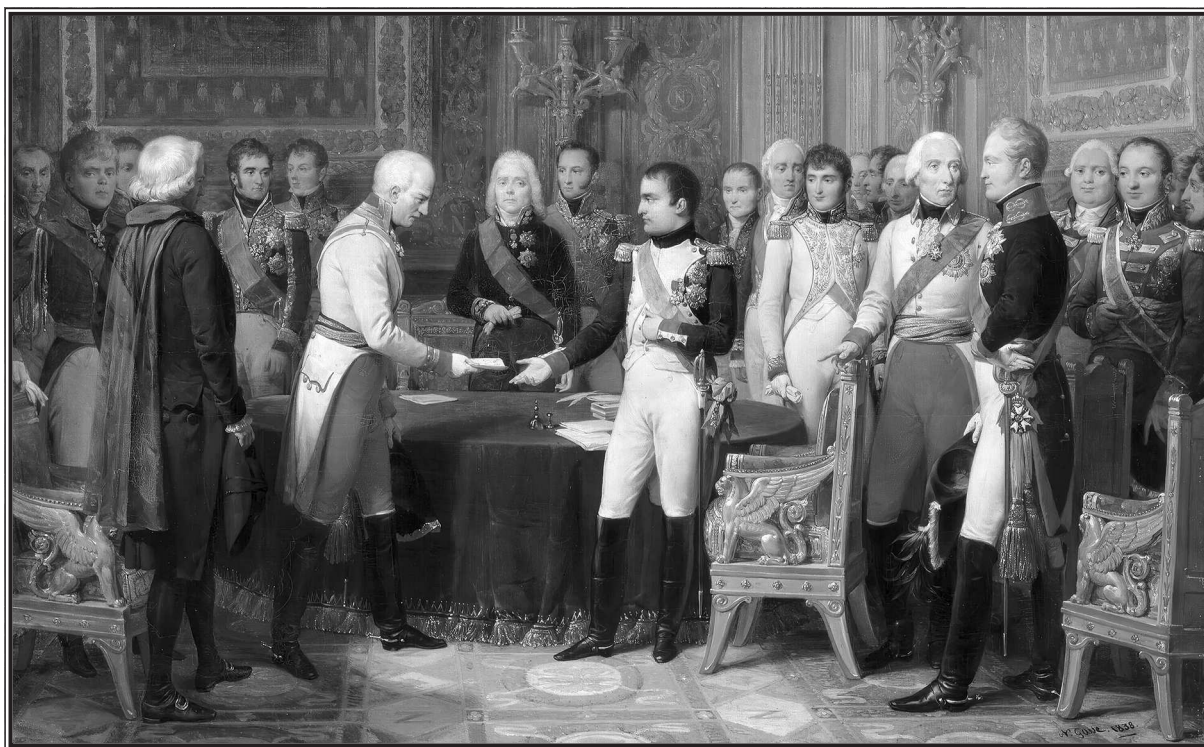
феста Сперанский сказался больным, перестал являться к должности и, по поручению Кочубея, тайне занялся разными приговорительными работами к предстоявшему образованию его будущего министерства», так что одновременно с манифестом об учреждении министерств того же 8 сентября состоялось повеление о назначении статс-секретаря действительного статского советника (незадолго произведенного) Сперанского производителем дел при министерстве внутренних дел.

Теперь уже многое зависело от инициативы Сперанского, с которым его министр был единомышленник и которого умел высоко ценить. Сперанский, по словам его биографа, «понимал, что многое у нас нехорошо, и пытался заменить худое лучшим». Сдерживающим элементом являлся отчасти Кочубей, «по своему характеру менее решительный, чем его наперсник, хотя вполне сочувствовавший стремлениям последнего». «Во всяком случае, — заключает барон Корф, — министерство внутренних дел далеко опередило другие и стало на первую степень во вновь образованной машине государственной администрации».

Пять лет (1802—1807) пробыл Кочубей в должности министра внутренних дел, и в сотрудничестве со Сперанским было совершено в это время министерством очень многое благое и немало такого, что имеет и историческое значение. В это время именно министерством внутренних дел составлены и проведены такие мероприятия, как указ о свободных хлебопашцах, положение о евреях, разрешение вольного соляного промысла, преобразование медицинского дела, одесское *porto franco*¹, почтовое преобразование и мн. др., менее значительное. «Все проекты новых постановлений писаны Сперанским», — сообщает барон Корф. Он же составлял годовые отчеты императору, впервые печатавшиеся во всеобщее сведение.

Император не мог не обратить внимания на работы Сперанского, тем более что Кочубей

¹ *Порто-франко* (итал. *porto franco* — свободный порт) — порт, освобожденный от пошлин на ввоз и вывоз товаров. Режим порто-франко часто предоставляется новому порту для увеличения его товарооборота. В Российской империи режим порто-франко действовал в разные годы в Феодосии (1798—1799), Одессе (1819—1858), Батуме (1878—1886), Владивостоке (1861—1909).

Эрфуртский конгресс 27 сентября — 14 октября 1808 года.
Наполеон I принимает посланника императора Австрии барона Винсента.
Художник Н. Госс. Вторая половина XIX в.

сам выдвигал своего сотрудника и не закрывал его собою. Так, в случае нездоровья он посылал его с докладом к императору. Он же дал совет Александру еще в 1803 году поручить Сперанскому составить план общего образования судебных и правительственных мест в империи.

Частое недомогание Кочубея в 1806 году открыло Сперанскому возможность быть ближе узанным Александром, которого не удовлетворяли плоды деятельности неофициального комитета по делу о проектировании общей политической реформы. В Сперанском император нашел человека, горячо преданного тем же преобразовательным идеям, но гораздо лучше вооруженного и по широкому философскому образованию, и по большему знакомству с русской действительностью, и наконец, по замечательным выдающимся дарованиям, творческому уму, громадному трудолюбию. Для громадного дела реформы, которую Александр в это время считал еще произведением своего правления, был нужен именно такой человек, как Сперанский.

И Александр нашел его и быстро приблизил к себе. В 1806 году Сперанский вошел в личные сношения с императором, а в 1807 году, еще до отставки Кочубея, он уже был отчислен от министерства внутренних дел и как статс-секретарь остался лично при императоре для исполнения его поручений. Масса работ по законодательству и управлению прошла в это время через руки Сперанского. О них мы упомянем ниже, чтобы теперь остановить преимущественное внимание на главных задачах, возложенных в это время на него Александром и выполнение которых и составляет ту отличительную черту в жизни и деятельности Сперанского, которая сделала его имя знаменитым и историческим, а его личность подвергла стольким превратностям.

В 1808 году Сперанский сопровождал Александра в его поездке в Эрфурт на свидание с Наполеоном. Здесь однажды Александр обратился к нему с вопросом, как ему нравится за границей. Сперанский отвечал: *у нас люди лучше, но здесь лучше установления.* «Это и моя мысль, —

Император и самодержец Всероссийский
Александр I Павлович.
Художник С. С. Щукин. 1809 г.

заметил император, — мы еще поговорим о том, когда воротимся».

Когда они возвратились, в том же 1808 году Сперанскому дано было поручение составить план общей политической реформы. Происхождение этого поручения и самое его исполнение сам Сперанский так излагает в письме к Александру из Пермской ссылки: «В конце 1808 года, после разных частных дел, Ваше Величество начали занимать меня постоянно предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам дошедшие, и нередко удостоивали проводить со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, от стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало наконец составить одно целое.

Отсюда произошел план всеобщего государственного образования. В существе своем он не содержит ничего нового; но идеалам, с 1801 года занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение. Весь раз-

ум сего плана состоял в том, чтобы посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сей власти более правильности, достоинства и истинной силы. В течение с лишком двух месяцев занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и поправок, Ваше Величество положили наконец приводить его в действие».

Так был задуман и составлен этот проект положений реформы. «В виде вступления к ее разрешению, — говорит Корф, — Сперанский представил обширную записку, почти целую книгу, о свойстве и предметах законов государственных вообще, о разделении на преходящие и коренные или неподвижные, и о применении тех и других к разным степеням власти¹. Потом он принялся, со свойственным ему жаром, за составление полного плана нового образования государственного управления во всех его частях, от кабинета государева до волостного правления... Работа создавалась под пером смелого редактора с изумительною быстротою. Не далее октября 1809 года весь план уже лежал на столе Александра. Октябрь и ноябрь прошли в ежедневном почти рассмотрении разных его частей, в которых государь делал свои поправки и дополнения. Наконец положено было приступить к приведению плана в действие».

В чем же заключался этот знаменитый план «смелого» (как выражается барон Корф) реформатора? В самом начале своего *Введения* автор проекта обращается к истории.

О времени Петра Великого Сперанский говорит: «Во внешних формах, данных правительству при Петре I, нисколько не думали о свободе политической, но Петр, открывая дорогу наукам и торговле, тем самым открывал путь и свободе. Не имея никакого ясного намерения дать России политическое бытие, этот государь приготовил для него путь уже тем одним, что он имел инстинкт цивилизации». Упомянув затем об известной попытке верховников при вступлении на престол Анны Иоанновны и не добром упомянув время Елизаветы Петровны, этот исторический обзор переходит к Екатерине II: «Настало наконец царствование Екатерины II. Все, что

¹ См. наст. изд.: «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России».

сделано было в других странах для устройства сословных собраний, все, что политические писатели того времени предлагали наилучшего для содействия успеху свободы, все, что пытались сделать во Франции в течение двадцати пяти лет для предупреждения того великого переворота, настоятельность которого предвидели, — все это Екатерина употребила при устройстве комиссии об уложении.

Созданы были депутаты нации, и созданы в строгих формах национального представительства; для этого собрания составлен был наказ, заключавший в себе собрание лучших политических истин того времени; ничто не было забыто, чтобы облечь это собрание всеми гарантиями свободы и всеми атрибутами достоинства, чтобы дать ему, чтобы дать России, которую оно представляло, политическое бытие. Но все это было так незрело, так преждевременно, что только величие первой мысли и блеск последовавших военных и политических подвигов могли спасти попытку от всеобщего неодобрения. С тех пор мысли Екатерины II, как это можно видеть по ее дальнейшему образу действий, совершенно изменились. Неудача этой попытки, кажется, охладил ее и, так сказать, устранил ее от внутренних политических реформ».

Из времен императора Павла, к которому вслед за тем обращается Сперанский, отмечается закон о престолонаследии, а также закон, «который устанавливает за правило, что крестьяне должны работать не больше трех дней в неделю. Это был первый закон, обнаруживший благоприятное расположение к крестьянам, со времени их подчинения землевладельцам». Указав затем на указы императора Александра о праве всех сословий владеть землею, о свободных хлебопашцах, об освобождении лифляндских крестьян и об учреждении министерств с ответственностью, Сперанский из всего этого исторического обзора делает вывод, что Россия идет к свободе.

«Все жалуются, — замечает далее Сперанский в том же *Введении*, — на смешение, которое царствует в наших гражданских законах; но где средства улучшить их, ввести в них желаемый порядок, когда мы не имеем законов политических! К чему служат законы, определяющие права собственности каждого, когда сама эта собственность не имеет никакого прочного и опреде-

ленного основания?.. Жалуются на беспорядок в финансах, но можно ли хорошо устроить финансы там, где нет публичного кредита, где не существует никакого политического учреждения, которое могло бы обеспечивать его прочность? Жалуются на медленность, с какою распространяется просвещение, промышленность; но где принцип, который мог бы оживотворить их?» По поводу распространения просвещения записка обращается не только к политическим реформам, но и к крепостному праву: «К чему послужит рабу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горечь своего положения».

«Упомянув о том, — сообщает В. И. Семевский, — что было время, когда теперешние крепостные могли иметь собственность и пользовались правом перехода с места на место, Сперанский замечает, что хотя “рабы всегда и везде существовали (в самых республиках число их равнялось почти числу граждан, а участь их там была еще горше, нежели в монархиях)”, но что “не должно, однако же, из сего заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Мы видим, напротив, государства обширные и многонаселенные, в коих рабство сего рода мало-помалу уничтожилось. Нет никаких оснований предполагать, чтобы и в России не могло оно уничтожиться, если приняты будут к тому действительные меры. Но чтобы сии меры были действительны, они должны быть постепенны. Гражданская свобода имеет два главных вида: свобода личная и свобода вещественная. Существо первой состоит в следующих двух положениях: 1) без суда никто не может быть наказан; 2) никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого”. В примечании к этому месту своего труда автор полагает: “Первое из сих положений дает крепостным людям право суда и, отъемля его от помещиков, ставит их наравне со всеми перед законом. Второе предложение отъекает право отдавать в службу без очереди. На сих двух основаниях утверждается личная свобода”. Затем автор продолжает: “Существо свободы второго рода, то есть вещественной, основано на следующих положениях: 1) всякий может располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; без суда собственности никто лишен быть не может; 2) никто не обязан отправлять вещественной службы, ни платить по-